

Г. ИВАНОВ

«Стихи о России» — Александра Блока

Мы и не подозревали, читая в каталогах об этой маленькой книжке «военных» стихов, что на серой бумаге, в грошовом издании нас ожидает книга из числа тех, которые сами собой заучиваются наизусть, чьими страницами можно дышать, как воздухом...

Впрочем, в наше, хотя и чрезвычайно «эстетическое», но порядком безвкусное время появление «Стихов о России» никакого «события» не сделало. Книга вышла, критика дала о ней десяток рецензий, сочувственных, но в меру — и все («...да, конечно, Блок прекрасный поэт, но военные стихи, знаете, — такая область»... — вот содержание большинства рецензий!¹). Нельзя даже обвинять людей, по бескорыстной любви к изящной словесности не поступивших в почтово-телеграфное ведомство, нельзя их, добродушных и тупых (присяжных идейных критиков), судить за нечуткость или непонимание! Слишком много «хладных трупов» удачно конкурирует в наши дни с истинными поэтами. Мы все привыкли быть ценителями великолепных фальсификаций, восхищаться отлично сработанными манекенами, так что с людей, «профессионально» тугих на ухо и близоруких, и спрашивать не приходится. И не все ли равно в конечном счете! Пусть их, осуждают за тенденцию или похлопывают Блока по плечу — «ничего, мол». Пусть их! Для тех, кто не разучился еще отличать поэзию от Игоря Северянина, «Стихи о России» — редкий и чудесный подарок.

Когда читаешь «Стихи о России», вспоминаются слова Валерия Брюсова (в авторском предисловии) о книгах, которые нельзя перелистывать, а надо читать, «как роман»². «Стихи о России» не сборник последних стихотворений поэта. Это изборник, — где рядом с новыми, впервые появляющимися стихами

есть стихи, напечатанные уже несколько лет назад. И читаешь его не как роман, разумеется, но как стройную поэму, где каждое стихотворение звено или глава. Открывается книга стихами о Куликовом поле:

На пути — горячий белый камень.
 За рекой — поганая орда.
 Светлый стяг над нашими полками
 Не взыграет больше никогда...
 ...Я — не первый воин, не последний, —
 Долго будет родина больна.
 Помяни ж за раннюю обедней
 Мила друга, светлая жена!³

Этот цикл определяет тон всей книги — просветленную грусть и мудрую ясно-мужественную любовь поэта к России — даже такой:

Кладя в тарелку грошик медный,
 Три, да еще семь раз подряд
 Поцеловать столетний, бедный
 И зацелованный оклад...
 ...И под лампадой у иконы
 Пить чай, отщелкивая счет,
 Потом переслюнить купоны,
 Пузатый отворив комод,
 И на перины пуховые
 В тяжелом завалиться сне... —
 Да, и такой, моя Россия,
 Ты всех краев дороже мне⁴.

Просветленная грусть Блока несколько не «нытье» и не истерия наших дней. Мы знаем, что все значительное в лирической поэзии пронизано лучами некоей грусти, грусти-тревоги или грусти-покоя — все равно. «Веселеньких» великих лирических произведений не бывало. Лучшие из них — «талантливы», «милы», лучшие — плоды остроумия, находчивости, беллетристической изобретательности. И разве может быть иначе, если самое имя этой божественной грусти — лиризм. Тайна лиризма постигается только избранными. Знает ее и Блок.

Мастерство Блока — не сухое мастерство ремесленника, до тонкости изучившего свое дело. Поэт пришел к совершенству не путем механической работы, не путем долбления экзерсисов (экзерсисы, впрочем, вещь полезная, и многим их можно только рекомендовать). Блок постиг тайну гармонического творчества силой своего творческого прозрения, той таинственной и чудесной силой, о которой в старину говорили: «Божья милость».

В «Стихах о России» — почти все совершенно. Как же, спросят нас, ведь это не сплошь новые стихи? Куда же делись промахи и срывы, несомненно бывшие в ранних стихах Блока? Да, — и более всего безукоризненное мастерство поэта сказалось именно в плане книги. Выбор стихов сделан так, что мы иначе и не решаемся определить его, как «провидение вкуса».

В книге двадцать три стихотворения, и почти каждое — новый этап лирического познания России. От первых смутных горьких откровений до заключительных строк:

И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли⁵.

Такой большой и сложный путь, и каким убедительно-ясным и гармонически-законченным представляется он нам, когда, вслед за стихами о «Куликовом поле», мы читаем «Русь», и дальше «Праздник радостный», «Последнее напутствие» и, наконец, «Я не предал белое знамя», заканчивающееся так*:

И горит звезда Вифлеема
Так светло, как Любовь моя.

Подлинно звезда горит, «как любовь», а не наоборот. Вынесенная из мрака и смуты, она светлей даже вифлеемской звезды! А вот стихи:

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон...
...И, садясь, запевали «Варяга» одни.
А другие — не в лад — «Ермака».
И кричали ура, и шутили они,
Рот смеялся, крестилась рука.
Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал.
И под черною тучей веселый горнист
Заиграл к отправленью сигнал.

Когда читаешь такие стихи, ясным становится, как, в конце концов, не нужны истинным поэтам все школы и «измы», их правила и поэтические «обязательные постановления».

* Очень показательно, что Блок не включил в «Стихи о России» таких чудесных, но несомненно нарушивших бы стройность книги свою туманно-символической окраской стихотворений, как, например, «Девушка пела».

Нет, не видно там княжьего стяга,
 Не шеломами черпают Дон,
 И прекрасная внучка варяга
 Не клянет половецкий полон...
 Нет, не вьются там по ветру чубы,
 Не пестреют в степях бунчуки...
 Там чернеют фабричные трубы,
 Там заводские стонут гудки...⁶

Это стихи символиста. Но какой реалист (я не о поклонниках Ратгауза⁷, разумеется, говорю) не примет их? Какой акмеист не скажет, что они прекрасны? В «Стихах о России» нет ни одного «былинного» образа, никаких молодечеств и «гой еси». Но в них — Россия былин и татарского владычества, Россия Лермонтова и Некрасова, волжских скитов и 1905 года. Как фальшиво звучат рядом с этими подлинно-народными стихами подделки наших поэтов под народную поэзию, с неизменными Ярилой, Ладою и Лелем. Как не нужна в сравнении с ними вся эта интеллигентская труха, частушка пополам с Кольцовым. Книга Блока — точно чистый воздух, от соприкосновения с которым рассыпаются в прах стилизаторские мумии «под народ».

Последние стихи Блока истинно классичны, но они нисколько не походят на те стихи Брюсова, например, которые «трудно отличить» от Пушкина или Жуковского. Это естественная классичность высокого мастера, прошедшего все искусства творческого пути. Некоторые из них стоят уже на той ступени просветленной простоты, когда стихи, как песня, становятся доступными каждому сердцу.

Утонченное мастерство совпадает в «Стихах о России» со всем богатством творческого опыта. Любовь, мука, мудрость, вся сложность чувств современного лирика соединены в них с величественной, в веках теряющейся духовной генеалогией. Старая истина — что современникам трудно и невозможно, пожалуй, верно оценить поэта, с точностью определить удельный вес его творчества. Но что Блок не просто «мастер чеканной формы», а явление одного порядка с теми, «чьи имена звучат нам, как призывы» — после выхода «Стихов о России» можно сказать с уверенностью.

Р. С. Один сердито и пространно полемизирующий с нами критик* из толстого журнала по поводу статей наших о «военной поэзии», между прочим, говорит:

* М. Неведомский (Современник. Май. 1915).

«Отмечу, что наиболее талантливый и искренний из наших символистов, А. Блок, целомудренно молчал на тему о войне»⁸. Козырь почтенного критика оказался битым. Молча, Блок подготавливал именно книгу «военных» стихов, — мы смело скажем — лучшую свою книгу.

Н. Гумилев в прекрасном стихотворении о войне восклицает:

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды,
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды⁹.

Вот он, первый, тяжелый, золотой — уже упал на землю с отягченных дозревающими плодами могучих ветвей «древа духа»!

